

В. П. Акуленко

Производительность общественного труда¹

„Производительность труда—это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя“.

„Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда“.

Ленин

Мы поставили себе исторического масштаба задачу—в кратчайший срок догнать и перегнать передовые капиталистические страны.

Разрешить поставленную задачу—значит не только доказать право на жизнь новой экономической системы, но и утвердить доминирующую роль этой системы во всем мировом хозяйстве. Является ли посильной нам такого рода задача? Имеются ли у нас объективные предпосылки такого ускорения темпа хозяйственного развития? Для ответа на эти вопросы, разрешим вначале вопрос: что такое проблема темпа?

В статье «Направление, темп, равновесие»²⁾ мы писали, что проблема темпа есть другая сторона проблемы производительности общественного труда.

Действительно, динамика производительности общественного труда—основной фактор, определяющий развитие того или другого социального агрегата, той или другой социальной системы. Те народы или же те системы, производительность которых росла замедленным темпом или оставалась вовсе стабильной, должны были уйти с исторической арены, уступив свое место народам и системам в большей мере повышающим производительность своего труда.

В свою очередь, неравномерное развитие производительности общественного труда в отдельных секторах современного мирового хозяйства является основной причиной различного уровня материального и культурного бытия одних и тех же социальных групп в различных странах, различного темпа роста этих стран и т. д. Соответственно с этим, показатели динамики производительности общественного труда являются наиболее синтетическими показателями всякого на-

роднохозяйственного плана. Так как центральной задачей таких планов должно явиться волевое воздействие на всю сумму факторов, определяющих производительность общественного труда в целях повышения последней, то вначале мы остановимся на определении этих факторов, а затем уже перейдем к конструированию самого понятия производительности общественного труда и показателей, отражающих динамику этого явления.

По Марксу «производительная сила труда определяется многосложными обстоятельствами, между прочим средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями» (Капитал, I т., 5 стр.). Детализируя эти положения, получим следующую сумму факторов производительности обществ. труда;

а) субъективные качества рабочей силы: квалификация, интенсивность труда, общая и техническая культурность и пр., что в свою очередь является результатом объективных причин (постановка общего и технического образования и пр.);

б) уровень развития науки и ее технических применений, повышение которого позволяет извлекать из данной суммы накопленного труда («капитала»), из данной суммы материальных благ каждый раз растущую эффективность;

в) общественная организация производственного процесса: система общественного и географического разделения труда; система соединения труда—т. е. организация производства (концентрация и централизация, трестирование и комбинирование и пр.); организация обращения и распределения, определяющая скорость оборота капитала и издержек обращения; организация общественного производства в целом, определяющая, с одной стороны, пропорции производства и потребления, пропорции перераспределения общественного продукта и т. д., а с другой—величину издержек общественного воспроизводства;

г) размеры и дееспособность средств производства; величина постоянного капитала и его технический состав (степень машинооруженности и энерговооруженности труда); пропорции основного и оборотного капитала; межотраслевые пропорции, в частности групп «А» и «Б» и т. д.;

д) наконец, естественные условия во всем их многообразии.

В каждой данный момент для каждого общества все эти элементы являются объективной данностью, хотя эта объективность есть в большой мере результат прошлых субъективных действий общества. Существующий комплекс производительных сил определяет: что производится, сколько, как и с какими издержками живого труда.

Но если в каждый данный момент величина общественного продукта есть объективная данность, непосредственно определяемая уже

¹ В порядке обсуждения. *Ред.*

² См. „Плановое Хозяйство“ №№ 2 и 4 за 1929 г.

имеющимся комплексом производительных сил, то перераспределение этого продукта, характер его общественного потребления, только посредственно определяется имеющимся комплексом производительных сил, и потому в каждый данный момент общественное потребление в большей мере поддается воздействию волевого фактора, чем общественное производство. Отсюда проблема повышения производительности общественного труда заключается в нахождении таких пропорций при перераспределении всего общественного продукта, которые гарантировали бы наиболее эффективное изменение существующего комплекса производительных сил в условиях относительного экономического равновесия всей системы. Соответственно с этим, разрешение проблемы темпа заключается в нахождении определенных пропорций при распределении общественного продукта между потреблением и накоплением; пропорции при перераспределении фондов потребления между личным и общественным потреблением; пропорций—при распределении фондов накопления между основным и оборотным капиталом, между постоянным и переменным капиталом (уровень механизации), между отдельными отраслями и т. д. Вполне понятно, что каждая страна, исходя из конкретных естественно-географических, социально-исторических и экономических условий по-своему находит эти пропорции. Тем не менее, анализ конкретного развития отдельных национальных хозяйств и мирового хозяйства в целом позволяет сделать ряд обобщений.

Нужно только подчеркнуть, что хотя характер общественного потребления (личного и производственного) в значительной мере поддается воздействию волевого фактора, тем не менее, это волевое влияние является далеко не безусловным началом, так как в конечном итоге и потребление в каждый данный момент является функцией определенного аргумента—производительных сил. Поэтому волевое изменение некоторых хозяйственных пропорций вне учета конкретных объективных условий может не только сорвать темпы развития, но и привести общественное хозяйство к серьезным потрясениям¹.

Трактовка пропорций как условий хозяйственного равновесия была дана нами в статье «Направление, темп, равновесие»; поэтому мы ограничиваемся в данной работе анализом пропорций как условий темпа. Вполне понятно, что такое размежевание является только методологическим приемом, так как в живой жизни пропорции, как условие ускоряющегося темпа, должны быть и пропорциями относительного производственного (но не обязательного рыночного) равновесия.

¹ Говоря о волевом факторе, автор недостаточно разграничивает систему плановую и стихийную. *Ред.*

* * *

При прочих равных условиях темпы хозяйственного развития будут тем выше, чем выше в данном общественном хозяйстве норма накопления.

В широком смысле слова норма накопления есть норма прибавочной стоимости или прибавочного продукта (M/P). В более узком понимании норма накопления есть отношение к общественному продукту, прироста основных и оборотных фондов. (Между прочим, в одном месте Маркс дает еще более суженную трактовку общественного накопления, понимая под ним только прирост группы производства средств производства, т. е. отраслей, производящих элементы основного капитала общества.)¹

Норма накопления (в широком понимании) прямо пропорциональна производительности труда (выработка на рабочего при данной интенсивности труда) и обратно пропорциональна величине потребления (личного или общественного). Действительно, по мере роста производительности единицы живой силы, несмотря на абсолютный рост массы потребления (зарплата или соответствующий эквивалент) доля прибавочного продукта растет еще сильнее в основном за счет относительной части прибавочного продукта². С другой стороны, не менее очевидно, что чем больше масса личного потребления, тем меньше масса, а потому и норма накопления. Соответственно с этим общественное хозяйство может иметь высокую норму накопления даже при низкой производительности труда, если последней отвечает нищенский уровень бытия самих трудящихся. Однако существует большая разница между высокой нормой накопления при высоком уровне технической производительности труда и при низком: первой отвечает огромная масса накопления (абсолютно и на единицу населения), а второй—значительно сниженная. Между тем при данной норме накопления (M/P) темп определяется как отношением массы накопления к имеющейся массе средств производства (M/C), так и отношением массы накопления к имеющейся живой силе (M/V).

До сих пор мы определяли массу накопления как прибавочный продукт ($P - V = M$).

Между тем, по существу, под народнохозяйственной массой накопления следует понимать о материализованную часть прибавочного продукта, т. е. прирост основных и оборотных фондов (запасов). Масса прибавочного продукта совпала бы с о материализованным накоплением только в том случае, если бы вся масса общественного потребления совпала бы с массой потребления непосредственных

¹ Редакция отмечает, что определение нормы прибавочной стоимости, даваемое автором, расходится с определением Маркса.

² „Относительная прибавочная стоимость прямо пропорциональна производительной силе труда. Она повышается с повышением и падает с понижением производительной силы труда“. (Капитал, I т., 238 стр.)

производителей. Между тем это далеко не так: во всяком обществе известная часть общественного продукта идет на социально-культурные нужды, на аппарат распределения и хозяйственного управления и т. д.; а в современном обществе, кроме того, на содержание армии, буржуазии, бюрократии, различных непроизводительных групп населения и т. д. Известная часть этих расходов является условием расширенного воспроизводства всякого общественного хозяйства (затраты на просвещение, здравоохранение и пр.) и потому рост доли этих расходов в общественном продукте является целиком положительным показателем; большая же часть приведенных расходов есть или *faux frais* менового хозяйства или непроизводительное потребление капиталистической системы хозяйства. Поэтому, чем меньше масса такого непроизводительного потребления (армия, буржуазия и пр.), тем лучше для всего общества. Обычно в период войны, революции и т. п. когда повышается удельный вес непроизводительных расходов, норма накопления сильно падает и даже сходит к нулю или отрицательной величине; последнее выражается в проедании основных и оборотных фондов страны. Как правило, норма накопления в капиталистических странах почти никогда не превышала 20%, понижаясь в отдельных странах до 10% и ниже, в зависимости от всей массы расходов непроизводительного характера.

Нужно, вместе с тем, признать, что всякое общество в каждый данный отрезок времени ограничено в повышении нормы накопления двумя моментами: один лежит в самих пропорциях перераспределения общественного продукта между потребляемой и накапливаемой частью; другой — в самой материальной структуре общественного продукта. Дело в том, что известный прирост потребительских фондов является условием расширенного воспроизводства, так как рост личного потребления группы производительного труда является условием роста самой производительности труда. Практически это означает, что, повышая, напр., норму выработки на 20%, нужно повысить заработную плату на 8—10%. Если такого повышения не будет, или если оно будет иметь номинальный характер, срезываясь ростом цен или обязательными отчислениями, то это более или менее отрицательно отразится на динамике производительности труда, а отсюда на снижении нормы накопления. С другой стороны, рост затрат социально-культурного характера, срезая в данный момент массу производительного накопления, необычайно повышает в последующем норму накопления, поднимая производительность всего общественного труда. Поэтому, срезывание потребительских фондов производительных групп населения или зажим расходов на социально-культурные нужды может повысить норму накопления только в каждый данный момент, отрицательно отражаясь на динамике производительности труда и нормы накопления на длительном отрезке времени.

Влияние второго момента — структуры общественного продукта — заключается в том, что не всякая часть общественного продукта может

быть накоплена. Если прибавочный продукт в основном состоит из предметов потребления, и при том непроизводительного потребления, то материальные возможности данного общества в деле накопления более чем ограничены. Этим и объясняется как чудовищное непроизводительное потребление в древних деспотиях, так и не менее чудовищное непроизводительное накопление (китайская стена, египетские пирамиды и т. д.). И наоборот, чем выше в прибавочном продукте доля средств производства и вообще элементов основного капитала (стройматериалы, металл и пр.), тем больше материальных возможностей для накопления; возможностей, определяемых самой природой накапливаемой материи. (В условиях неравномерного развития отдельных стран корректирующим фактором является внешний товарооборот.)

Переходим к анализу дальнейших пропорций. При данной массе накопления темп определяется пропорциями распределения этой массы между элементами основного и оборотного капитала. Как правило, чем ниже доля запасов в накапливаемом продукте, чем больше она приближается к общественно-необходимой норме, тем выше темп хозяйственного развития, так как тем выше эффективность использования общественного капитала. Разные отрасли народного хозяйства имеют различное соотношение между основным и оборотным капиталом по чисто техническим причинам. Тем не менее, каждой единице основного капитала народного хозяйства отвечает определенная величина оборотных средств производства (сырье, топливо, вспомогательные материалы, полуфабрикаты, незаконченное производство и стройматериалы для текущего ремонта). Для всего же народного хозяйства в состав запасов должна войти также определенная норма готовых изделий и продуктов. Соответственно с этим существует, как нижний лимит, нормативная масса запаса. Всякое общество, нарушающее эту нормативность в сторону снижения, подвергает свое воспроизводство таким перебоям, которые могут задержать темп развития (неполная загрузка основного капитала, транспортные перебои, отсюда удорожание продукции и ухудшение ее качества и т. д.).

Но проблема резервов стоит скорее в обратной плоскости: в плоскости общественного расточительства, так как всякое меновое хозяйство обычно имеет массу запасов, далеко превышающую общественно-необходимую норму.

Как правило, при данной длине производственного цикла, величина запасов будет тем меньше, чем развитее средства сообщения, чем развитее кредитно-денежные отношения, чем выше концентрация и централизация производства и обращения, чем лучше организация снабжения и сбыта, чем планомернее организация общественного производства в смысле приближения продукции к общественно-необходимому потреблению (имеем в виду перманентное перепроизводство капиталистического хозяйства) и т. д. Иначе говоря, величина общественного запаса в значительной мере определяется рядом организа-

ционных факторов и поэтому она тем больше, чем неорганизованнее, чем более стихийно данное общественное хозяйство.

Поэтому одна рациональная организация кредитно-денежного оборота равносильна созданию новых материальных капиталов. Роль кредита не только в том, что он уменьшает издержки денежного обращения, но и в том, что кредит приближает величину материальных резервов к общественно-необходимому минимуму, а также ускоряет оборот материальных ценностей, путем перемещения освобождающихся денежных капиталов.

Общественное хозяйство со слабо развитым «кредитным переплетом» имеет чрезвычайно замедленную скорость оборота капиталов, так как, во-первых, замедляется самый процесс обращения, а во-вторых, процесс производства. В этом случае можно встретить такие примеры, когда одно предприятие имеет избыточный уголь, нуждаясь в чугуне, а другое—избыточный чугун, нуждаясь в угле. В результате чисто организационных причин имеет место недостаточная нагрузка имеющихся основных капиталов, излишние резервы и т. д. Именно в этом смысле организация функционально равносильна созданию капитала.

Но, с другой стороны, эффективное значение кредита тем меньше, чем выше прочие организационные формы производства и обращения. Фордовский комбинат является классическим примером бескредитного хозяйства, где запасы сведены к технически необходимому минимуму, а скорость оборота—к техническому максимуму.

Поэтому роль кредита все более и более суживается по мере роста системы трестов, синдикатов, комбинатов, концернов и т. д. Такое же значение имеет рационализация обращения: транзит, система предварительных заказов и т. д.

Кстати сказать, по мере развития таких организационных форм снижаются также издержки обращения (торговая наценка и т. д.). Соответственно с этим можно сказать, что при данной массе накопления темп определяется общественной организацией производства и обращения: он выше для кредитного хозяйства сравнительно с денежным; для концентрированного хозяйства сравнительно с мелкотоварным хозяйством; для планового хозяйства сравнительно со стихийным¹.

Переходим к пропорциям капитального строительства. С точки зрения эффективности капиталовложений разрешение проблемы темпа заключается в нахождении таких комбинаций живого и мертвого труда (постоянного капитала) и такого межотраслевого сочетания этих комбинаций, которые, обуславливая

¹ Помимо вышеуказанного, преимущества высокой организации общественного производства (тресты, комбинаты и пр.)—это преимущества крупного предприятия перед мелким; общественной формы—перед частной, где, с одной стороны, может быть шире техническое разделение труда, выше специализация; а с другой, больше кооперация труда, его соединение.

определенную степень хозяйственного равновесия, гарантировали бы при данных социально-экономических условиях возможность максимальной общественной экономии и максимального повышения производительности труда. Я подчеркиваю «при данных общественных условиях», потому что в одних случаях ускорение темпа обуславливается одними пропорциями, а в другой—другими.

На первый взгляд кажется, что наибольший темп роста будет тогда, когда затраченный капитал даст наибольшую сумму продукции на единицу капитала (P/C). Иначе говоря, так как при данном уровне технической культуры по мере роста технического состава капитала продукция на единицу капитала падает (падение P/C по мере роста C/V), то можно было бы сделать вывод, что максимальный темп обуславливается наиболее низким уровнем механизации труда. Тем более, что при низком уровне механизации одна и та же сумма капитала позволяет вовлечь в производство большее число рабочих, чем при высокой механизации.

Такой вывод был бы неправильным, так как производительность труда (выработка на рабочего при данной интенсивности) тем выше, чем выше механизация труда. Поэтому низкой механизации отвечала бы низкая производительность, а потому низкая зарплата и пониженная норма накопления.

Но, с другой стороны, не менее ошибочно было бы думать, что всякое повышение уровня механизации при всяких социально-экономических условиях дает больше оснований для ускорения темпа. Так как по мере роста механизации нормы накопления соответствует параллельное понижение чистой продукции на единицу основного капитала (и по стоимости и в натуре), то в каждый данный момент при достижении известного уровня механизации можно иметь такое положение, когда произведение повышенной нормы на относительно пониженную продукцию может быть меньше произведения пониженной нормы на относительно повышенную продукцию.

Между тем для усиления темпа важно как раз иметь не столько повышенную норму накопления вообще, сколько повышенное отношение массы накопления к затраченному капиталу. Следовательно, вся соль проектирования заключается в нахождении оптимального уровня механизации при данных экономических условиях, так как не всякая степень механизации, экономически целесообразная в одной стране, может быть экономически выгодной в другой стране. Механизированное производство дает для данного хозяйства наибольшую массу прибавочного продукта (абсолютно и относительно к капиталу) только в том случае, когда масса прибавочного продукта, реализованного благодаря введению новой более мощной машины, будет превышать возможную массу прибавочного продукта, которую могла бы дать эта дополни-

тельная масса капитала при более низком уровне механизации, т. е. за счет дополнительного вовлечения рабочих.

Впрочем, в каждый данный момент лимитом высокого уровня механизации является не только масса прибавочного продукта и отношение последней к затраченной сумме капитала, а также и масса чистой продукции, поскольку с точки зрения P более высокое отношение C/V менее «произвительно» на единицу капитала, чем менее высокое. Поэтому всякое общество, нуждаясь в определенной сумме чистой продукции и располагая для этого всякий раз определенной суммой накопленного труда (капитала), должно при этих двух лимитах—потребное P и существующее C —выбирать такую структуру C/V , которая гарантировала бы производство общественно необходимой суммы продукции. Иначе говоря, произведение всей массы затрачиваемого капитала (C) на отдачу единицы капитала (P/C) должно гарантировать получение общественно-необходимой суммы P ; с другой же стороны, произведение всего числа V на выборку одного рабочего (P/V) должно дать тот же результат. С точки зрения чистой продукции эти два ряда диктуют выбор определенного уровня C/V , гарантирующего произведение P . Короче говоря, всякое общество может получить общественно-необходимую продукцию только ценою общественно-необходимых затрат. А вполне понятно, что критерий «общественно-необходимых затрат» будет один для Германии и другой для САСШ. Поэтому всякое общество, повышающее уровень C/V против общественно-необходимого, может, при указанных выше условиях, повысить темп развития ценою лишь временного недопроизводства.

Мы подчеркиваем, что все выводы об уровне C/V предполагают «данный уровень технической культуры», так как влияние технического прогресса существенно изменяет эти положения, поскольку «на одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой—хорошая может быть дешева» (Маркс).

Несмотря на то, что по вопросу эффективности капиталовложений существует наибольшая путаница понятий (путаница высокого уровня механизации и высокого уровня технического развития и т. д.)—мы даем здесь только схематическое изложение этой проблемы, так как детальная ее трактовка дается нами в статье «О марксизме, индустриализации и безграмотности» («Хозяйство Украины» № 9, 1929).

Переходим ко второму моменту капиталовложений—межотраслевым пропорциям. В различных отраслях существует различный органический состав капитала по чисто техническим условиям производства: так, в промышленности он выше, чем в земледелии; в тяжелой индустрии—выше, чем в легкой; в транспорте—выше, чем в промышленности в целом и т. д. Из этого можно было бы сделать вывод, что наибольшие темпы будут обуславливаться таким распределением капитала, когда наибольшая масса его будет направлена в легкую индустрию, а не в тяжелую, в сельское хозяйство, а не в про-

мышленность и т. д. Однако и этот вывод был бы неправильным. Дело в том, что ряд наиболее капиталоемких отраслей, как транспорт, тяжелая индустрия, электропромышленность, химия и т. д., является, так сказать, «ведущими» отраслями, которые хотя и дают пониженную продукцию на единицу капитала, но зато поднимают производительность труда в связанных с ними отраслях.

Соответственно с этим мы выдвигали в качестве критерия народнохозяйственной эффективности комплексный учет эффективности, а не линейный (54—55 стр. № 4 «План. Хозяйства»). В качестве иллюстрации, мы приводили пример с транспортом, который дает очень низкую отдачу капитала. Тем не менее, развитие средств сообщения, создавая предпосылки рационального географического разделения труда, повышает темпы развития, ускоряя обращения капиталов и повышая норму накопления путем снижения транспортных издержек.

✓ Факты развития мирового хозяйства и отдельных национальных хозяйств как раз и говорят о том, что производительность общественного труда растет не в той мере, в какой развиваются отрасли с наибольшим выходом продукции на единицу капитала, а в той мере, в какой развиваются капиталоемкие отрасли с понижающейся отдачей капитала (металлургия, машиностроение, химия, транспорт и т. д.).

Иначе говоря, человечество проявляет прогрессивно растущий аппетит не к хлебу, мясу, текстилю и пр., а к углю, чугуну, химической продукции и т. д.

Соответственно с этим расширенное воспроизводство общественной продукции покупается всякий раз еще более расширенным воспроизводством группы «А», что и проявляется в повышении удельного веса этой продукции в общей сумме общественного продукта.

Собственно говоря, пропорция «А» и «В», пропорции отраслей, производящих средства производства и средства потребления, в конечном итоге есть другая сторона пропорций C/V . С другой же стороны, пропорции «А» и «В» в известной мере есть другая сторона пропорций накопления и потребления, так как «с прогрессом в производительности общественного труда, сопровождаемым, как это и происходит в действительности, ростом постоянного капитала, на долю капитала, как такового, будет приходиться также все большая часть годового продукта» (Маркс, «Теория» etc, II т. 94 стр.).

Особое значение в числе капиталоемких отраслей имеют «отмыкающие» отрасли индустрии (Keyindustrie), создающие, так сказать, ключи к расширенному воспроизводству менее капиталоемких отраслей.

Ряд таких отраслей, например, будет создан на дешевой энергии Днепростроя.

Итак, повышение удельного веса группы «А» (производство средств производства) является показателем расширенного воспроиз-

водства, показателем эффективности общественного накопления; показателем роста производительности общественного труда¹.

Но если общество прогрессирует лишь в той мере, в какой растет абсолютно и относительно группа отраслей «А», то не менее правильно, что даже при расширенном воспроизводстве чугуна, стали, стройматериалов и пр. общество может иметь крайне замедленный рост производительности труда, если продукция группы «А», а соответственно и группы «В», будет направлена в строительство отраслей непроизводительного характера: военная промышленность, добыча драгоценностей, строительство дворцов и т. д. Общество накапливает и тогда, когда строит пирамиды, или превращает ценою миллиардов Флориду из болота в Венецию американской буржуазии; общество «накапливает» и при производстве золота и т. д., но с народно-хозяйственной точки зрения это накопление мало чем отличается от проедания основного капитала страны. Поэтому весь вред непроизводительного потребления в буржуазном обществе не только в проедании тунеядцами известной части общественных фондов потребления, но и в непроизводительном использовании и без того урезанных фондов накопления.

При всех прочих предпосылках решающим фактором роста производительности общественного труда является уровень

¹ Из этого следует, что хотя скорость оборота капитала есть другая сторона высоты производительности труда, все же повышение производительности общественного труда не всегда совпадает с повышением скорости оборота капитала.

Вообще говоря, скорость оборота всего капитала тем выше, чем меньше масса амортизации в единице продукции, т. е. чем выше отдача основного капитала; чем меньше в единице продукции прочие составные части, т. е. для живого труда (переменный капитал), сырья, материалов и пр., чем выше отношение оборотной части капитала к основной и чем короче длина производственного процесса и т. д.

Для всего же общественного производственного процесса определяющими факторами скорости оборота капитала выступают, кроме того, организация обращения и модификации одних форм материальных благ в другие формы, а также организация транспортных путей сообщения (Маркс). Растущее отношение c/v , а отсюда снижение отдачи основного капитала, более быстрый рост основной части постоянного капитала, чем оборотной, влияют в сторону замедления скорости оборота всего общественного капитала. Развитие же науки и техники влияет в противоположном направлении, повышая скорость оборота капитала путем повышения отдачи капитала и сокращения времени производства.

С другой стороны, растущее отношение c/v повышает скорость оборота как оборотной части постоянного капитала (снижение материальных затрат в единице продукции), так и всего переменного капитала (снижение доли v). В результате имеем снижение себестоимости, которое говорит о том, что одна и та же масса P всякий раз покупается меньшими затратами труда и капитала, или что одна и та же масса труда и капитала дает большую массу P .

В силу неравномерного роста технического прогресса и процессов механизации возможно несовпадение динамики коэффициента скорости оборота капитала и коэффициента темпа в тот или иной отрезок времени. (На длительном отрезке эти коэффициенты совпадают.)

культурного развития населения, уровень развития науки и техники.

Рост самого объема C и его структуры — C/V требует расширения воспроизводства квалифицированной рабочей силы и если такое задерживается, то данное общество будет стоять перед проблемой импорта квалифицированных кадров, несмотря на имеющиеся резервы труда. С другой же стороны, растущее воспроизводство предъявляет требования к кадрам квалифицированного труда не только в самом производстве, но и в сферах обращения и перераспределения общественного продукта (экономисты, бухгалтера, статистики и т. д.).

Вообще же, овладение самыми элементарными трудовыми процессами требует хотя бы самой элементарной грамотности населения — умения читать и писать, не говоря уже об элементах технической грамотности. Многомиллионное крестьянство каждой страны даже при одном и том же техническом базисе может очень резко повысить свою производительность, если овладеет хотя бы элементарными представлениями о технологии своего производства. Поэтому проведение целой системы агрикультурных мероприятий может более чем окупиться повышенной урожайностью, повышенным выходом мясо-жировой и молочной продукции и т. д. Повторяем, здесь вопрос стоит иногда в плоскости усвоения самых простейших принципов производства. Но это усвоение предполагает как наличие кадров агрикультурных работников, так и соответствующий уровень общей культуры населения.

Так же стоит вопрос для всей массы кустарного и мелкого ремесленного труда, где посредством организации простейших краткосрочных курсов могла бы быть повышена производительность труда и качество продукции без увеличения или при незначительных затратах капитала.

Наконец, рационализация быта и личного потребления, которой никто научно не занимается и провести которую можно лишь опять-таки подняв уровень общей культуры населения, скрывает в себе колоссальные резервы, так как в каждом обществе потребляются ведь от 80% до 90% всего общественного продукта. В наших, например, условиях рационализация потребления хотя бы на 4% дала бы миллиардный эффект. Одно уничтожение водки и самогона дает народному хозяйству десятки миллионов пудов хлеба, как сырья; десятки миллионов рублей фондов потребления, непроизводительно затрачиваемых на рабочих и служащих водочной промышленности; миллионы рублей экономии на основном капитале; повышение производительности труда потребителей водки и т. д., не говоря уже о снижении преступных актов и повышении уровня моральной, а также физической культуры (бюджет здравоохранения).

Переходя от элементов общей культуры, от вопросов распространения среди населения уже имеющихся достижений науки и техники, нужно резко подчеркнуть роль естественно-технических наук

Овладевание окружающей нас материей и энергией; подчинение обществу сил природы; растущая эффективность их использования, все это есть результаты развития науки и техники. Развитие естественно-технических наук, производя иногда целые технические революции, чрезвычайно повышает производительность труда, «удешевляя» продукцию и повышая ее качество. При этом, по Марксу, чем меньше сумма стоимости переносимая средствами труда на единицу продукции, тем больше приближаются средства труда к даровым силам природы. Влияние технического прогресса сказывается на машинах в том, что одна и та же машина одной и той же эффективности, на одной ступени технического развития будет стоить, например, 1000 руб., на другой—500 руб., а на третьей—300 руб. Пример фордовских автомобилей может служить иллюстрацией этого процесса роста технической культуры. (В данном случае говорят о реконструкции, рационализации. Но ведь сама реконструкция есть моральное обновление технически устаревшего капитала.)

Этот процесс роста технической культуры, роста изобретательства имеет своим логическим результатом рост продукции на единицу капитала. Следовательно, этот процесс прямо противоположен по своим результатам процессу роста уровня механизации. Действительно, в результате роста механизации стоимость единицы продукции снижается за счет доли живого труда и оборотной части постоянного капитала (сырье, топливо и пр.), но масса амортизации при этом растет и относительно и абсолютно, следовательно, отдача капитала падает. Наоборот, в результате технических усовершенствований амортизация имеет тенденцию относительно расти (в цене продукта), но абсолютно падать; следовательно, отдача капитала растет.

«Подобно тому, как усиленная эксплуатация природного богатства достигается просто повышенным напряжением рабочей силы, точно также наука и техника сообщают функционирующему капиталу способность к разрешению, не зависящую от его данной величины». (Капитал, I т., 478 стр.) Именно поэтому машина, произведенная в 1930 г. будет в несколько раз эффективнее машины той же стоимости 1860 г., потому что «на одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой—хорошая может быть дешева». Между прочим, последнее обстоятельство затушевывает процесс падения P/C по мере роста C/V , в результате чего имеет место невероятная путаница понятий в вопросах эффективности капиталовложений.

Но влияние технического прогресса сказывается не только на степени приближения средств труда к силам природы, но и на степени эксплуатации данных естественных ресурсов. Германия никогда бы не сумела поднять так высоко производительность своего труда, если бы не разрешила проблему бурого угля и фосфористой руды, если бы не развила свою химию и т. д.

С другой стороны, развитие естественных наук позволяет усилить как продуктивность сельского хозяйства (гибридация, акклиматизирование и пр.), так и промышленности (ферментация табака, сушка сахарной свеклы и т. п.).

Суммируя, приходим к выводу, что только развитие науки и техники позволяет человечеству при той же, или даже уменьшающейся затрате труда и материи иметь каждый раз расширенный хозяйственный эффект. При стабильности технического прогресса человечество стояло бы перед проблемой: или повышение производительности труда ценою снижающейся продукции на единицу капитала, или производство общественно-необходимой продукции хотя бы и менее производительным трудом. В обоих случаях замедляющиеся темпы стареющего общества. Именно поэтому наиболее бурный рост производительности общественного труда среди всех ранее существовавших систем имел место в эпоху капитализма, т. е. в эпоху необычайно интенсивного развития науки и техники. С другой стороны, пролетариат сможет разрешить поставленные перед ним задачи только тогда, когда он сумеет произвести целые технические революции.

Но и поднятие общего уровня культуры, и развитие науки и техники возможно лишь при условии, когда общество выделяет из произведенного продукта определенную часть на социально-культурные нужды.

Переходим к природным факторам производительности. Значение этих факторов обуславливается тем, что по существу сама трудовая деятельность человека является ни чем иным, как процессом модификации одних форм материи и энергии в другие. *Sic!* Больше того, труд, как логическое условие существования человека, является процессом приспособления естественных форм материи и энергии к потребностям человека при помощи этой же трансформированной материи и энергии.

Но уже из этого последнего вытекает, что влияние природных условий на производительность труда не является ни абсолютным, ни непосредственным. Природные условия влияют на производительность общественного труда через систему средств труда, которой располагает данное общество. Поэтому на одной ступени общественного развития одни и те же естественные условия влияют одним образом, на другой—другим. Больше того, страна с худшими природными предпосылками в силу большего развития техники и средств труда может иметь более высокую производительность, чем страна с лучшими природными предпосылками, но более отсталая (сравни урожайность в Германии и Украины).

Но не менее правильно и то положение, что при прочих равных условиях, из двух общественных хозяйств, хозяйство с лучшими естественными предпосылками будет иметь более высокую производительность труда, чем хозяйство с худшими предпосылками. Это вытекает хотя бы из того, что само развитие системы средств труда тем

больше приближается к средствам природы, чем меньше передаваемая ими стоимость (амортизация) единице продукции.

Каково же влияние природных условий на производительность общественного труда?

«Помимо большего или меньшего развития общественного производства, производительность труда зависит от естественных условий. Они все могут быть сведены к природе самого человека, рас и т. д., или к окружающей его природе. Внешние условия природы, с экономической точки зрения, распадаются на две большие группы: естественные богатства, воплощенные в средствах существования, т. е. плодородие почвы, обильные рыбой воды и т. д., и естественные богатства, воплощенные в средствах труда, как то: водяная сила, судорожные реки, лес, металлы, уголь и т. д. В начале цивилизации решающее значение имеет первый, а на более высоких ступенях развития — второй род естественных богатств» (Капитал, I т., 361—363 стр.).

С другой же стороны, Маркс подчеркивает, что «не абсолютное плодородие почвы, но ее дифференциация, разнообразие ее естественных продуктов составляют основание общественного разделения труда». Примат дифференциации над абсолютной величиной богатства вытекает из того, что величина всякого абсолютного богатства влияет на производительность труда в каждом данном случае, а дифференциация богатства, создавая предпосылки общественного разделения труда, влияет тем самым на производительность всего общественного труда.

Вряд ли нужно останавливаться на значении естественных условий для развития сельского хозяйства в отдельных странах (почвы Германии и Украины; климат Англии и САСШ и т. д.), или для развития добывающей промышленности (степень богатства недр, удобство эксплуатации, географическая отдаленность залежей и т. д.). Для обрабатывающей промышленности имеет значение сама географическая расстановка отдельных моментов производства (сравни по Веберу условия развития хлопчатобумажной промышленности Англии и САСШ; или металлопромышленности Испании и Англии и т. д.).

Вообще же, характер географической конфигурации отдельных элементов производства (руда, уголь, лес и т. д.) имеет огромное значение для всего производства в целом.

Но производительность общественного труда тем выше, чем гуще сеть естественных путей сообщения, так как этим экономится значительная масса транспортных издержек.

Сама величина территории имеет огромное значение для развития производительной силы труда. В начале цивилизации развитию производительных сил благоприятствовала скорее небольшая территория, так как «разделение труда внутри общества предполагает известную величину и известную плотность народонаселения; эти моменты играют здесь ту же роль что и агломерация рабочих в одной

мастерской». Поэтому древние культуры—Египта, Ассирии и Вавилона, Греции, Рима—культуры небольших территорий.

По мере же роста человеческой культуры положение меняется в обратную сторону, так как чем больше территория, тем больше предпосылок для рационального географического разделения труда, поскольку «сравнительно мало населенная страна с развитыми средствами сообщения обладает более густым населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщений». (Маркс.)

Следует заметить, что, говоря о величине территории, нужно иметь в виду и политическое единство территории, так как политическая чересполосица также затрудняет развитие рационального географического разделения труда, как и слабое развитие транспорта. С этой точки зрения САСШ, например, имеют больше предпосылок для хозяйственного развития, чем лоскутная Европа.

Во всех этих случаях различие естественных предпосылок действует как различная техническая вооруженность, определяя с какими издержками производства добывается то или иное хозяйственное благо.

Таково, в общих чертах, значение естественных факторов в деле повышения производительности общественного труда.

Но развитие производительных сил человечества имеет место не только в неодинаковых естественных условиях, но и в неодинаковых социально-исторических и политических условиях. Обуславливаясь тем или другим уровнем развития производительных сил, эти условия в свою очередь рефлексивно влияют на производственный базис, или стимулируют, или задерживая его развитие. Такое же значение имеют все надстройки.

Не останавливаясь детально на этих моментах, скажем, что форма буржуазно-демократических республик больше благоприятствовала развитию производительных сил, чем абсолютизм; что бессловное общество благоприятнее в этом смысле, чем кастовое или общество с феодальными пережитками и т. д. Отрицательное влияние религии на развитие естественно-технических наук имеет место даже до настоящего времени («обезьяний процесс» в САСШ. В Индии религия задерживает развитие продуктивного скотоводства и, в частности, свиноводства и т. д., и т. д.).

Суммируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что при данных естественных и социально-политических условиях общество прогрессирует тогда, когда сводит к минимуму непроизводительное потребление, повышая в общественном продукте норму накопления и удельный вес социально-культурных затрат; когда наибольшая масса накопления идет в основной капитал; когда повышается технический состав капитала и удельный вес отраслей, производящих средства производства; когда растет уровень культуры населения и развивается наука и техника.

Неравномерное развитие системы экономических, а потому и социально-политических факторов производительности общественного

труда объясняет как неравномерную динамику последней во времени, так и неравномерный уровень развития отдельных географических секторов мирового хозяйства. Иначе говоря, эта неравномерность развития системы факторов производительности объясняет нам как причины неравномерного экономического прогресса человечества в отдельные его исторические периоды, так и причины неравномерного развития отдельных общественных хозяйств (сравни, с одной стороны, страны старой тысячелетней культуры — Китай и Индию — и страны молодой буржуазной культуры; а с другой — Европу и Америку).

Если рассматривать динамику производительности общественного труда, то придем к выводам, сделанным еще Марксом, что из всех исторических эпох наибольшее развитие производительных сил человечества наблюдалось в эпоху капитализма, так как из всех ранее существовавших социально-экономических систем капиталистическая система в наибольшей мере способствовала развитию факторов производительности общественного труда. В чем же состояли преимущества капиталистической системы перед всеми ранее существовавшими системами?

Развитие производительности сил прогрессирующего промышленного капитализма предполагало в своем идеале установление начал буржуазной демократии и равенства, буржуазной свободы (либерализма), буржуазных правовых норм и т. д., т. е. установления предпосылок для 100% реализации абсолютного товарного общества. Поэтому большая или меньшая реконструкция феодального социально-политического строя являлась *conditio sine qua non* развития капитализма. Переживая революционный этап своего развития, буржуазия отделяет церковь от государства и тем способствует развитию естественно-технических наук и культуры вообще; нападая на метафизику феодализма, буржуазия материализует человеческое миропонимание, создавая тем самым мощную методологическую базу для развития науки, как таковой. Развитию науки и техники способствовала «демократическая» свобода мысли и ее высказывания (слово и печать), а также соответствующее перераспределение общественного продукта. Одновременно с этим имеет место рост культурного уровня широких масс населения, хотя бы в пределах элементарной грамотности — умение читать и писать. Необычайный против предшествующих систем рост продукции бумажно-полиграфической, типографской и пр. промышленности создает техническую базу развития культуры.

И нужно признать, что именно в эпоху капитализма имело место наиболее глубокое проникновение в тайники природы; наибольшее подчинение материи и энергии человеку. Одновременно растет доля производительного накопления в общей сумме общественной продукции за счет известного сокращения непроизводительного потребления феодального общества, а в основном за счет беспощадной эксплуатации пролетариата и некапиталистических элементов общества. Последнее имеет место в силу того, что все выгоды растущей производи-

тельности труда присваиваются капиталом как его достояние, на основе неэквивалентности обмена.

Росту нормы накопления благоприятствует также чрезвычайно сложная и эластичная кредитная система, позволяющая аккумулировать мельчайшие сбережения во всех клеточках общества (акции, облигации; коммерческие банки (депозиты); эмиссионные банки; сберкассы; учреждения мелкого кредита и т. д.). Развивающийся «кредитный переплет» общественного хозяйства на основе прогрессирующих товарно-денежных связей (денатурализация хозяйства) не только повышает норму накопления, но и повышает скорость оборота всего материального общественного капитала (дебиторско-кредиторские взаимоотношения, безналичный оборот и т. д.), снижая норму резервов и облегчая модификацию ТвД и ДвТ. Рост товарно-денежных связей ведет в свою очередь к экстенсивному и интенсивному росту общественного разделения труда, создавая в конечном итоге чрезвычайно детализованную специализацию труда в интернациональном масштабе. Экстенсивному росту общественного разделения труда благоприятствует сильное развитие транспорта. Одновременно растет и кооперация труда по мере роста концентрации и централизации капитала.

Логическим результатом развития техники и роста массы производительного накопления является растущее отношение C/V , т. е. растущая механизация всех трудовых процессов, что выражается в более интенсивном воспроизводстве группы «А», сравнительно с группой «Б». Технический же прогресс каждый раз увеличивает эффективность той же суммы капитала.

Движущей силой этого процесса является не развитие производительных сил, с целью удовлетворения растущих общественных потребностей, а $D-D^1$. Если $D-D^1$ *primus motor* этого процесса, то конкуренция необходимо его условие.

Но эти два начала определяют и границы прогрессивного действия всей капиталистической системы; ее исторический, но не логический характер.

Дело в том, что с развитием капитализма развиваются внутренне-присущие ему противоречия, которые приводят к диалектическому перерождению его миссии: из фактора экономического прогресса капитализм становится фактором задерживающим развитие производительных сил и даже разрушающим таковые. Чудовищные потери в мировую войну 1914—1918 гг. и вся послевоенная конъюнктура достаточно иллюстрирует эти выводы. Система в целом уже сказала свое слово, хотя бы отдельные ее сектора, в силу закона неравномерного развития капитализма, еще и проявляли признаки жизнеспособности.

Переходим к анализу другой стороны вопроса.

Отрицательные особенности капиталистической системы, с точки зрения интересующего нас вопроса, сводятся к трем основным моментам:

1. Неполное использование капитализмом уже имеющихся материальных предпосылок производства.

2. Растущее непроизводительное общественное потребление.

3. Растущие издержки расширенного воспроизводства.

Движимый не стимулом к удовлетворению общественных потребностей, а стимулом $D-D^1$, капитализм каждый раз перерастает рыночные возможности, так как потребительская сила общества «определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной производительной способностью, а потребительской способностью на основе отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы к минимуму, изменяющемуся в более или менее узких границах» (Маркс).

Поэтому в каждый данный момент развитие капитализма ограничено не абсолютной массой средств труда, а рыночными возможностями, т. е. социально-организационными лимитами. Отсюда в каждый данный момент, при имманентной тенденции к перепроизводству, наличие: а) громадных товарных резервов, во много раз превышающих общественно-необходимую потребность и б) громадных производственных резервов вследствие неполной загрузки основного капитала (перекапитализация).

Последний резерв составляет, как правило, не менее 10—15%, повышаясь в периоды низкой конъюнктуры до 30—40%. (Сравни существующую загрузку основного капитала в САСШ в 70—80%.)

Так обстоит дело в каждый данный момент. Но дело в том, что развитие капитализма вообще идет не по линии непрерывно растущей кривой, а по линии зигзагообразной кривой.

Такая циклическая кривая определяется в основном моментами перераспределения общественного продукта между потреблением и накоплением, хотя механическая основа кризисов заложена уже в самой неравномерности восстановления основного капитала¹.

Кривая цикла слагается из повышательной волны, иногда имеет место перераспределение народного дохода между потреблением и накоплением в пользу накопления, а последнего между вложениями в отрасли «А» и «Б» и т. д., и из понижательной волны, когда выросшие производственные возможности превышают потребительскую силу общества при данном уровне цен и рентабельности. Кри-

¹ «Если устранить капиталистическую форму воспроизводства, то дело сведется к тому, что размеры отмирающей и потому подлежащей возмещению *in natura* части основного капитала в различные последовательные годы изменяются. Следовательно все производство средств производства должно бы в одном случае расширяться, в другом сократиться. Этому можно было бы помочь лишь постоянным относительным перепроизводством... Такой вид перепроизводства равнозначущ контролю общества над вещественными средствами его воспроизводства». В капиталистических же условиях... «в этом, охватывающем целый ряд, цикле взаимно связанных между собою оборотов, к которым капитал прикреплен своею основной составной частью, дана материальная основа периодических кризисов»... (Маркс.)

зис каждый раз выправляет пропорции производства и потребления путем общего снижения цен и постоянного обесценения капитала.

Таким образом цикличность развития есть специфическая форма расширенного воспроизводства в условиях капитализма. Отсюда неравномерность темпа, как и неравномерность нормы накопления в пределах цикла; большая амплитуда колебаний между высокими темпами и нормой накопления (*Hochkonjunktur*) и суженным воспроизводством периода депрессии, а следовательно общий пониженный темп развития против общественно возможного (при другой социальной структуре).

Отсюда стремление к недостижимому идеалу—вечной высокой конъюнктуре, являющейся утопией для капитализма, и логическим условием воспроизводства социалистического хозяйства.

Вся иррациональность капиталистической системы в том, что безработнице на одной стороне отвечает масса свободных средств труда на другой; что неудовлетворенным общественным потребностям отвечает избыток C/V . В условиях неравномерного капиталистического развития отдельных секторов мирового хозяйства выходом для «избыточной» массы средств труда является внешний рынок и экспорт капитала. Но последний момент говорит как о тенденции к превращению данной страны из производителя в потребителя («страна-рантье»), так и о замедлении темпа воспроизводства ее производственного базиса.

Неполное использование капитализмом имеющихся производственных предпосылок вытекает также из нерационального географического разделения труда в мировом хозяйстве в силу политической дифференциации последнего.

Так как выгоды растущей производительности международного разделения труда используются отдельными «национальными» объединениями капиталистов неравномерно, то этим диктуются центробежные силы капиталистического мирового хозяйства; борьба за «национальную», хотя бы и менее производительную, систему производительных сил. (Анализ этого момента дан нами в статье «Проблема мирового хозяйства»)¹.

Но нерациональное географическое разделение труда имеет место и в капиталистическом «национальном» хозяйстве, обуславливаясь, помимо причин исторического и политического порядка, влиянием монополистических организаций.

Географически локализованные массивы старого капитала в условиях монополизма могут задерживать более производительную географическую конфигурацию производства, если это грозит обесценением существующего капитала. Частнохозяйственные выгодыкупаются народнохозяйственными потерями. С другой же стороны, монополистические организации могут задерживать технический

¹ «Вопросы Экономики» № 2, Труды научно-исследовательской кафедры по экономике. Харьков.

прогресс, опять таки, если это грозит обесценением существующего капитала.

Но даже в тех случаях, когда имеют место отдельные географические и технические сдвиги, стихийность перераспределения капитала приводит каждый раз к громадной растрате накопленных средств труда вследствие недоиспользования морально изношенных, но физически дееспособных старых вложений капитала. Планомерность такого перераспределения (пример Стального треста САСШ) является спорадическим явлением как в пределах «национального» хозяйства, так и тем более в пределах мирового хозяйства. Но если монополистические организации могут тормозить хозяйственный процесс в результате отсутствия конкуренции, то раздробленная система индивидуальных товаропроизводителей также задерживает рост производительности труда, мешая росту более высоких организационных форм, а потому кооперации и механизации труда. Особенно это относится к сельскому хозяйству.

Наконец сокращение V в P по мере роста производительности общественного труда в условиях капитализма обуславливает железный закон прогрессирующего замедления темпов. Таким образом этот момент, как и цикличность, ведут к прогрессивному снижению темпов стареющего капитализма, к прогрессивному росту недоиспользованию имеющихся материальных предпосылок производства. Отсюда перманентная перекapитализация и растущая переиндустриализация капиталистического хозяйства. Но именно последнее обстоятельство вызывает растущее общественное непроизводительное потребление, растущее расточение общественных средств производства и рабочих сил.

Само замедление темпа развития, т. е. всякий раз суженная возможность производительного накопления (рост производства средств производства) ведет к необходимости растущего непроизводительного потребления. Этому благоприятствует также экспорт капитала, как и вообще сама организация мобилизации накопления, ведущая к росту всевозможных титулов дохода. В этом же направлении действует и растущий налог на землю и недра—рента.

Как следствие этого, рост рантье, непроизводительных слоев населения, обслуживающих буржуазию и пр. И второе следствие этого—растущее непроизводительное накопление (Флорида, дворцы, драгоценности и т. д.). Но стремление закрепить за «национальной» производственной системой более выгодное место в общей системе международного разделения труда ведет в условиях замедляющих темпов развития мирового хозяйства к обострению международных отношений, а следовательно к росту милитаризма и маринизма, к росту затрат на армию, флот и промышленность, производящую средства разрушения. Одновременное же обострение социальных противоречий ведет к росту расходов на аппарат управления и принуждения, включая сюда расходы на церковь и... профсоюзы.

Растущая конкуренция и борьба за рынки сбыта ведут и к другого рода непроизводительным расходам—по распределению товарных ценностей, что еще более увеличивает неизбежные для капитализма *faux frais* производства. (По Чэзу, в его «Трагедии расточительства» доля торговой накладки в САСШ составляет по отдельным товарам до 40—50%).

Наконец дефектность рыночных регуляторов капиталистического хозяйства, цены и процента, действующих всегда *post factum*, также снижает темпы развития, нарушая межотраслевые пропорции. Отсюда на одной стороне потенциальное перепроизводство, а на другой—недопроизводство. (См. вышеприведенные выводы Маркса.) Как следствие этого—непомерно высокие издержки расширенного воспроизводства.

Таким образом, растущие издержки расширенного воспроизводства имеют место при переходе от одного уровня техники к другому, более высокому; от одной системы межотраслевых пропорций к другой; от менее рациональной географической конфигурации производства, к более рациональной; от низших организационных форм к высшим и т. д.

Прогрессирующее замедление темпа роста производительности общественного труда в капиталистических странах отражается и на социально-политической его конструкции. Нужно сказать, что в силу того закона менового хозяйства, по которому более производительный труд расценивается как более интенсивный, растущая выгода от обобществленного разделения труда используется отдельными социально-хозяйственными группами далеко не равномерно. Иначе говоря, растущая производительность всего общечеловеческого труда в меру роста международного разделения труда неодинаково используется отдельными странами, так как более богатая страна эксплуатирует более бедную даже в том случае, когда эта последняя выигрывает от обмена (Маркс). То же имеет место внутри каждой страны, между городом и деревней, внутри промышленности между отдельными отраслями и т. д.¹ Индивидуально неравномерное использование растущих выгод всего общественного труда отражается на различном материальном и культурном уровне одних и тех же социальных групп в различных странах и даже в каждой отдельной стране. Уже это обстоятельство отрицательно отражается на социальном единстве одних и тех же групп населения. Но реакционная роль этого фактора довольно слаба в период быстрого темпа развития капиталистического хозяйства, когда имеется много объективных возможностей перехода

¹ Вследствие неравномерного использования отдельными социальными группами растущей производительности общественного труда капитализму свойственно:

- а) отделять город от деревни;
- б) отделять умственный труд от физического;
- в) превращать в рабочее время всю жизнь одних классов, создавая абсолютное свободное время другим классам. Именно поэтому с ростом производительности общественного труда растет масса непроизводительного населения.

из низшей социальной группы в высшую. По мере же замедления темпов роста, по мере того, как происходит относительное падение V в P , в результате механизации и прогресса техники, все больше и больше ослабевают возможности массового вовлечения в производство живой силы, а также возможности социальных перегруппировок. Все это создает кастовую идеологию как внутри отдельных социальных групп, так и внутри отдельных подгрупп пролетариата (сравни, напр., рабочую аристократию Англии и всех нечленов тредюнионов, а также горняков той же Англии и рабочую аристократию в целом). Отсюда стремление каждой группы организационно закрепить за собою свою долю в общем общественном продукте. Но так как величина «национального» общественного продукта определяется положением данной «национальной» системы производительных сил в общей системе мирового хозяйства, то отсюда трогательное единство интересов рабочей аристократии и национальной буржуазии. Именно в этом экономические корни фашизма вообще с его корпоративизмом, в этом же корни социал-соглашательства и социал-империализма. (Сравни политику того же «рабочего» правительства Англии и политику с.-д. правительства Германии с политикой фашистской Италии.) Но такое замедление темпов роста производительности общественного труда приводит одновременно к резкому обострению как «национальных» интересов, так и классовых. Соответственно с этим, мирохозяйственная и «национальная» проблема, как и социальная проблема в целом, есть другая сторона проблемы производительности общественного труда.

* * *

Вопрос «кто—кого?» в переводе на экономический язык означает: какая из двух социально-экономических систем имеет больше объективных предпосылок для форсирования темпов роста производительности общественного труда?

Все вышеизложенное облегчает ответ на этот вопрос.

Преимущества нашего советского хозяйства перед капиталистическими вытекают из самой общественной организации производства, при которой делается ставка не на рентабельность, а на производительность в интересах расширенного потребления всех производительных групп населения. Это—преимущества крупного хозяйства перед мелким; планового—перед стихийным; преимущества общества с рациональной социально-политической структурой перед обществом, связанным всей системой социально-исторических пережитков; общества, где вся система надстроек служит целям наибольшего роста производительных сил, а не закреплению той или иной системы социально-экономического неравенства и т. д., и т. д.

Все эти моменты органического характера решающим образом отражаются на развитии системы факторов производительности общественного труда. К анализу этого влияния мы и переходим.

Начать с того, что несмотря на рост против довоенного времени потребительских фондов подавляющей массы населения (рабочих и крестьян), несмотря на сокращение нормы эксплуатации за счет сокращения абсолютного прибавочного продукта (8-часовой рабочий день при установке на 7-часовой день для одних групп и 6-часовой для других), норма накопления в нашем хозяйстве уже в 1927—28 г. составляла почти 19%, превышая довоенную в полтора раза, и достигая максимальных норм передовых капиталистических стран.

Так как параллельный рост нормы накопления и потребительских фондов широких трудящихся масс имел место в условиях недостаточного роста производительности труда рабочего и крестьянина в восстановительный период, то рост производительного накопления и производительного потребления в обоих случаях шел за счет резкого сокращения всех видов непроизводительного потребления довоенной России (платежи по займам, доходы дворянско-капиталистически-помпадурских элементов, милитаризм, бюрократия и т. п.).

Известное значение имело срезывание доходов высококвалифицированных групп трудящихся, лиц свободных профессий и т. д. Таким образом, один факт социальной революции создал предпосылки для удвоения темпа, удвоив норму накопления. Но дело в том, что наша система далеко еще не сказала по этому вопросу последнего слова. По мере производственной реконструкции промышленности и сельского хозяйства, по мере роста производительности труда рабочего и крестьянина норма накопления в наших условиях безусловно превысит не только 20%, но и 30%. Достаточно сказать, что уже на 1929/30 г. эта норма запроектирована в размере 38%. (Везде берем накопление как прирост основных оборотных фондов.)

Между прочим, вся глубина учености некоторых наркомфиновских профессоров видна из того, что они доказывали невозможность в наших условиях даже довоенной нормы накопления..., потому что у нас мало сбережений вследствие нивелировки доходов отдельных групп населения и слабое хозяйственное накопление вследствие «нерентабельных» цен. Авторитетные экономисты маленько ошиблись, потому что оперировали частнохозяйственными категориями (прибыль, убыток и т. д.). Между тем с народнохозяйственной точки зрения «нерентабельная» цена, снижая возможности накопления на одном полюсе (в месте производства), повышает норму накопления на другом полюсе (в месте потребления). Правда, эти выгоды являются безоговорочными только для продукции производственного потребления, а не личного; в последнем же случае орудием перераспределения должен выступить бюджет или кредит. Впрочем, политика перераспределения народного дохода в условиях советской системы далеко не срезывает этих выгод потребителя и потому параллельно с ростом нормы накопления будет иметь место и абсолютное увеличение фондов как номинальной, так и

тем более реальной зарплаты (или соответствующего эквивалента для крестьянства).

Как раз именно в политике снижающихся цен, сознательно и планомерно проводимой ряд лет, заключается принципиально иной характер советской системы распределения и перераспределения общественного продукта сравнительно с капиталистической системой.

Выше уже указывалось, что при капитализме выгоды от растущей производительности всего общественного труда используются отдельными участниками далеко не одинаково. Это происходит потому, что в силу законов ценообразования стихийного хозяйства более производительный труд каждой отдельной отрасли, каждой отдельной хозяйственной единицы расценивается как более интенсивный. Конкретно это выражается в том, что равные затраты труда двух рабочих одинаковой квалификации создают различные стоимости. Отсюда различный уровень зарплаты одних и тех же групп рабочих в разных отраслях даже внутри одной страны; отсюда же различие в уровне бытия города и деревни и т. д. Советская же система ценообразования распространяет выгоды растущей производительности труда более равномерно между отдельными социальными и хозяйственными группами. Поэтому, например, продажа сельхозмашин в убыток отражается рядом плюсов на других участках, которые имеют, благодаря этому, сниженные затраты на сельхозсырье, предметах продовольствия и пр. Точно также «нерентабельность» нашей тяжелой индустрии или промышленности стройматериалов окупается выгодами потребителей этой продукции. Орудием же перераспределения выступает более эластичная финансовая система, имеющая больше возможностей для классового подхода, чем система рентабельных цен. Соответственно с иными законами ценообразования существует и известная нивелировка уровня зарплаты в различных отраслях обобщественного хозяйства. С другой же стороны, снижающиеся цены на предметы потребления поднимают уровень реального потребления как городского, так и сельского населения, особенно категорий с ниже-средним уровнем дохода. Выгоды же прочих групп населения могут быть с большей социальной справедливостью скорректированы финансовыми мероприятиями. Насколько для многих непонятной является такая система перераспределения, насколько сильно влияние частных хозяйственных методов балансирования видно из того, что сплошь и рядом приходится бороться с тенденциями к росту цен как в маленьком кооперативе, так и в большом тресте. (Исключение могут составлять лишь те группы товаров, которые входят в структуру потребительского бюджета группы населения с выше-средним уровнем доходов, а также все товары непроизводительного потребления и накопления.)

Резкое сокращение фондов непроизводительного потребления довоенной России объясняет нам тот факт, что одновременно с ростом нормы накопления и фондов личного потребления повысились также и затраты на социально-культурное строительство.

Итак, одно изменение пропорций перераспределения общественного продукта против довоенного времени создает предпосылки резкого усиления темпов роста советского хозяйства сравнительно с любым капиталистическим хозяйством; поэтому темпы довоенной России — три процента ежегодно — могут быть удвоены и утроены даже на основе уже приведенных предпосылок.

Но дело в том, что реконструкция системы производства и обращения позволяет нашему хозяйству развиваться со значительно меньшими резервами, чем стихийному хозяйству. Об'ективные предпосылки этого заключаются в исключительной концентрации промышленности и торговли (трестирование, синдицирование и пр.); в планомерном учете потребностей обобщественного рынка; в более или менее точном учете потребностей неорганизованного рынка (система гендоговоров, контракция, частные балансы и пр.; в выпрямлении товаропроводящих каналов (транзит); в работе на заказ и т. д., и т. д.

Все эти моменты организационного характера, плюс, наличие потенциально-возможной, перманентной высокой конъюнктуры (см. далее), позволяют нашему хозяйству, даже при равной сумме накопления с капиталистическим хозяйством, иметь более высокие темпы в силу более эффективного использования этого накопления.

Вышеприведенные организационные моменты, облегчая все процессы обращения (трансформация Т в Д и Д в Т), т. е. повышая скорость оборота общественного капитала, уменьшают в то же время массу непроизводительных расходов менового хозяйства (торговая наценка, издержки денежного обращения и т. д.).

Но если снижение нормы резервов и массы непроизводительного потребителя, при прочих равных условиях, повышают объем капитального строительства в количественном отношении, то политика капиталовложений повышает этот объем в качественном отношении. Делая ставку не на рентабельность, а на производительность, мы имеем возможность ценою временного нарушения межотраслевых пропорций форсировать развитие «ведущих», т. е. наивысших в производственной вертикали отраслей, на основе расширенного воспроизводства которых происходит последующее подтягивание всех прочих отраслей. Противопоставляя такой «скачкообразный» путь развития обычному «эволюционному», я писал, что он в наибольшей мере гарантирует рост производительности труда целого комплекса отраслей, связанных между собою по вертикали (см. «Плановое Хозяйство» № 4, 1929 г.). Капиталистическое же хозяйство, повинувшись рыночным регуляторам, имеет обратную последовательность развития: от низших звеньев вертикали к высшим. Этим достигается каждый раз больше элементов равновесия, но снижаются реконструктивные возможности. Известный корректив все же вносит такой вне-рыночный регулятор, как политика протекционизма. С другой же стороны, мы имеем больше возможностей в деле повышения уровня механизации как ведущих, так и всех прочих отраслей.

Последнее, правда, должно происходить соответственно с вышеизложенными критериями. Наши возможности в этом отношении, как и в отношении форсирования «ведущих» отраслей, объясняются возможностями планового воздействия на рынок, а не пассивного приспособления к нему.

Здесь нужно подчеркнуть один фактор ускорения наших темпов, не зависящий от преимуществ нашей социально-экономической системы. Мы имели бы более ускоренные темпы, чем любая капиталистическая страна, даже при всех прочих равных условиях в силу того, что вообще всякая страна более поздней индустриализации развивается более быстрым темпом, чем страны ранней индустриализации. Объясняется это тем, что страна более поздней индустриализации начинает свое развитие на более повышенном уровне технической культуры, чем страны ранней индустриализации.

В условиях относительной недостаточности капиталов нам нужно научиться применять их наиболее совершенным образом. Исключительное значение в этом отношении должна иметь работа наших исследовательских организаций и пр. Нам нужно не только усвоить уровень технического развития Запада, но и перегнать этот уровень, делая иногда ставку на целые «технические революции». И в этом отношении Германия во многом пример для нас. Бедная против Америки капиталами Германия сумела так рационализировать свою промышленность, что в техническом отношении далеко обогнала в ряде отраслей своего кредитора (пример более дешевых, но более производительных доменных печей). Отсюда исключительное значение рационализаторских и реконструктивных мероприятий у нас.

Нужно сказать, что в этом отношении мы имеем все преимущества перед странами старой индустриализации, так как в последних технически старый основной капитал может даже задерживать введение нового более производительного оборудования. Конечно, если в отдельных отраслях технически новая конструкция логически связывается с повышенной механизацией труда, то вопрос разрешается сразу положительно. Вообще же, нахождение определения оптимального уровня механизации в каждом отдельном случае должно разрешаться путем чисто бухгалтерского подсчета. Это вопрос калькуляции.

Переходим к анализу прочих факторов ускорения темпа нашего развития, вытекающих из самой природы нашей системы. Наша система гарантирует возможность рационального географического разделения труда в силу обобществленной организации производства. При этом самый факт географического перераспределения капиталов, точно также, как факт введения технически более совершенных орудий производства, может происходить в наших условиях при минимальных общественных издерж-

ках воспроизводства. Географически нерационально локализованное старое производство, как и технически старое предприятие, являясь менее эффективными единицами, чем новые, не выходят все же из эксплуатации, продолжая давать производственный эффект до своего физического износа.

В капиталистических же условиях эти процессы совершаются с большими издержками воспроизводства.

Но наше хозяйство может форсировать темпы развития не только путем изменения эволюционного характера развития системы отраслей (пропорции ведущих и прочих отраслей и т. д.), а также путем изменения эволюционного характера развития организационных форм в каждой из отраслей. Вряд ли нужно доказывать преимущества крупного хозяйственного предприятия перед мелким, обобществленных форм перед частно-предпринимательскими. Между тем, в силу частнохозяйственной структуры капиталистического хозяйства, развитие высоко-организованных форм хозяйства (тресты, комбинаты и пр.) происходит на основе конкуренции и централизации капитала лишь постепенно и опять таки с большими издержками воспроизводства. Больше того, в таких отраслях как сельское хозяйство, где эти процессы вообще развиваются замедленным порядком, на пути концентрации и централизации капитала ставятся по политическим соображениям искусственные правовые рога (ставка на реакционное крепкое крестьянство). В наших же условиях процессы обобществления и укрупнения, стимулируются всеми мероприятиями экономической политики, не ожидая «естественного» созревания этого процесса. Сюда относятся все процессы производственного кооперирования, коллективизации, организация МТС и т. д.). Соответственно с этими процессами растет эффективность одной и той же массы капиталовложений, так как таковая может принять технически более совершенную форму в крупном предприятии, чем в мелких.

Все эти процессы, повышающие массу производительного накопления, повышающие степень технически более эффективного применения данной массы накопления, совершаются в условиях, которые гарантируют максимальные возможности в деле производственного использования существующих материальных ценностей.

Сама рационализация рабочего времени—пятидневка при беспрепятственной неделе—гарантирует почти 20% усиление степени технического использования машин и зданий. Но дело не только в этом. Дело в том, что в силу принципиально иного характера нашей социально-экономической системы, сравнительно с капиталистической, мы имеем потенциальные возможности постоянной высокой кон'юнктуры, т. е. перманентно высокой степени нагрузки имеющегося основного капитала. В силу принципиально иного характера взаимоотношения потребления и накопления, в силу плановой организации производства—рынок в наших условиях не может быть

узким местом. Абстрактно рассуждая, для социалистического планового хозяйства проблема рынка не существует, так как человеческие потребности не ограничены. Узким местом в нашем хозяйстве всякий раз могут быть только производственные возможности.

Соответственно с этим циклическая форма развития хозяйства является для нас не обязательной. Речь может идти только в известной степени о цикличности конъюнктурных резервов в связи с технически неравномерным процессом восстановления основных капиталов. Больше того, делая ставку не на рентабельность, а на производительность, мы можем расширить пропорции «А» и «Б» (производство средств производства и производство средств потребления) в гораздо большей мере, чем это имеет место в капиталистическом хозяйстве.

В капиталистическом хозяйстве рост группы «А» всякий раз задерживается падением процента на капитал сравнительно с группой «Б»; в наших же условиях возможно развитие группы «А», независимо от этого момента, как и независимо от состояния основного капитала группы «Б». «Избыточный» чугун, машины и пр. могут уйти в дорожное строительство и в средства транспорта, в жилищное и социально-культурное строительство, наконец в мероприятия по усилению обороноспособности страны.

Пропорции между «А» и «Б» сохраняются лишь в полной мере между «Б» в целом и всей массовой V в «А + Б», но не между «А» в целом и «С» в «А + Б».

К этим чисто экономическим преимуществам нашей системы следует отнести ряд других преимуществ: более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков (сословия, классы, клерикализм, собственность на землю и т. д.), принципиально иной характер надстроек (государство, общественные организации, этика, искусство и пр.), что является дополнительным фактором усиления темпов хозяйственного развития. Наконец, неисчерпаемые резервы кроются в разбуженной активности широчайших масс населения, для которых советская социально-экономическая и политическая система является не аппаратом классового насилия и эксплуатации, а формой производственной демократии.

При всех этих преимуществах мы имеем чрезвычайно благоприятные естественные условия как по абсолютному богатству, так и по степени дифференциации этих благ. В этом отношении из всех стран в наибольшей мере к нам приближаются САСШ.

Итак, наша социально-экономическая система имеет следующие предпосылки, гарантирующие чрезвычайное ускорение темпов хозяйственного развития:

а) Повышенная норма накопления, вследствие уменьшения всех видов непроизводительных расходов при относительно высоком

уровне фондов потребления широких масс населения и фондов финансирования мероприятий социально-культурного характера.

б) Наиболее эффективное использование массы накопления: сниженный удельный вес всех видов непроизводительного накопления; сниженная норма резервов; политика капиталовложений, ориентирующаяся на производительность; форсированное развитие «ведущих» отраслей; форсированное развитие более высоких организационных форм производства; рациональное географическое разделение труда; усвоение последних достижений науки и техники и т. д., и т. д.

в) Более интенсивное использование имеющихся материальных предпосылок производства как в силу рационального использования капитала (беспрерывная неделя, сменность и т. д.), так и вследствие принципиально иной, чем при капитализме, роли рынка (потенциальная возможность ациклического воспроизводства при устранении имманентной тенденции капиталистического хозяйства к перепроизводству).

г) Сниженные издержки воспроизводства всей системы при переходе от одних межотраслевых пропорций к другим; от более низких организационных форм к более высоким; от одного уровня техники к другому; от одной географической конфигурации производства к другой и т. д., и т. д.

д) Более или менее радикальное устранение всех социально-исторических пережитков; рациональный характер всех надстроек (государство, общественные организации и пр.); социализированная идеология широких трудящихся масс в противоположность индивидуализированному мировосприятию конкурирующего антагонистического капиталистического общества; растущая тенденция к слиянию общества и государства на началах производственной демократии и т. д., и т. д.

Наличие всех этих предпосылок гарантирует нам уже в настоящем, на унаследованной базе производительных сил, по меньшей мере в пять-шесть раз более высокие темпы, чем темпы развития довоенной России (три процента годовых) или современного мирового хозяйства в целом.

Это значит, далее, что темпы нашего развития в ближайшие годы почти в три раза будут превышать темпы САСШ в период их наиболее интенсивного роста.

Но нужно иметь в виду, что такие высокие темпы могут быть реализованы не в порядке «самотека», а в порядке напряженной борьбы за реализацию тех самых предпосылок, которые потенциально заложены в нашей системе. Дело в том, что в результате тех или других «плановых» просчетов или просто недоучета, мы можем нарушать тот оптимум пропорций, который гарантирует наибольшие темпы. Отсюда возможность повышенных издержек расширенного воспроизводства и даже возможность снижения потенциально-возможных

высоких темпов развития. Мы подчеркиваем: существуют пропорции абсолютного равновесия и существуют пропорции относительного равновесия; первые гарантируют более замедленные, вторые—более ускоренные темпы развития. Но так или иначе, а существуют пропорции как условия темпа, и потому всякий флюсообразный рост так же для нас вреден, как общественное расточительство.

Чрезвычайно отсталое состояние нашего дорожного хозяйства и складского хозяйства (холодильники и пр.) затрудняет снабжение городских и рабочих центров даже достаточными видами сельскохозяйственной продукции. Но скверное состояние наших дорог, холодильного транспорта и складского хозяйства ведет и к повышенным издержкам обращения вследствие громадных потерь как по линии самой продукции, так и по линии высоких транспортных издержек. Вообще говоря, всякая транспортная накидка есть прямой вычет из общественной продукции угля, чугуна, нефти, леса, предметов широкого потребления транспортных рабочих и служащих, кормов для скота и т. д. Поэтому, чем меньше сумма транспортных издержек, тем выше норма накоплений в общей сумме общественной продукции. Не может быть сомнений, что ежегодная сумма этих непроектируемых затрат измеряется у нас сотнями миллионов рублей. Такая общественная расточительность объясняется более чем пониженными затратами капитала в дорожное и торговое строительство. Поэтому одно упорядочение наших дорог и складского хозяйства (элеваторы, холодильники и пр.) повысило бы массу накопления на сотни миллионов рублей ежегодно. Но такого же рода общественная расточительность имеет место и в нашем капитальном строительстве, где господствует увлечение высокими строительными нормами (повышенные запасы прочности) и т. д. Некритическое же увлечение высокой механизацией, как и плохая проработка проектов капитального строительства, а часто вовсе безпроектное строительство, приводят к тому, что мы имеем и дорогую продукцию (сравни бурьбу за снижение себестоимости), и меньшую отдачу капитала, т. е. меньший выход продукции на единицу капитала против возможного. К этому нужно прибавить еще неупорядоченную организацию самого строительства,—затяжка строительства, «лежачее» оборудование, плохое качество стройматериалов и т. д.

Упорядочение всех этих моментов было бы равносильно импорту капитала. Иначе говоря, мы страдаем больше не от бедности, а от неумения использовать имеющиеся возможности. Достаточно привести такой пример, как мобилизация внутренних ресурсов в 1928/29 г. Возможность такой мобилизации говорит о том, что у нас несколько лет лежал мертвый капитал, превышающий по величине стоимость Днепростроя. С другой же стороны, мы имеем более чем ослабленные маневренные резервы по ряду иногда самых необходимых хозяйствен-

ных благ (особенно строительных материалов и предметов питания). Но тот факт, что самым узким местом нашего строительства является культура—этот факт в значительной мере объясняется отставанием темпов социально-культурного строительства страны от общего темпа всего хозяйственного строительства. Отсюда как остро выявившийся дефицит квалифицированных кадров, так и ряд недочетов нашего строительства. Особенно остро стоит проблема культуры на селе, где имеет место наиболее напряженная борьба за организационно-техническую реконструкцию всего сельскохозяйственного производства.

И как это ни парадоксально, говоря о проблеме кадров, имеют в виду в основном кадры технических работников, а не социально-экономических инженеров. Между тем организация планового хозяйства, лишенного стихийных регуляторов менового хозяйства, логически немыслима без наличия высококвалифицированных кадров экономистов-плановиков. Сплошь и рядом наше бытие опережает наше сознание, тогда как нам нужно было бы на 100% осознать это бытие для того, чтобы изменять его.

Этим выдвигается самая боевая из всех задач: задача резкого повышения уровня плановой культуры в нашей стране. В свою очередь, это требует и радикальной реорганизации существующей системы планирования, учета и контроля.